

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(д. филос. наук, доцент)

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

О ФИЛОСОФСКОМ ОБОСНОВАНИИ ТРУДА КАК ПРОЦЕССА, ПРОИЗВОДЯЩЕГО ОБЩЕСТВО

Часть II

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики и сущности философского обоснования труда, составной частью которого выступает анализ принципиальных отличий, существующих между трудовой теорией, представленной точкой зрения буржуазной политической экономии, и экономической трактовкой труда, разработанной К. Марксом. В итоге это позволяет найти ответ также и на главный вопрос о том, в чём должно заключаться собственно философское обоснование труда в отличие от его экономического обоснования, представленного Марксом в «Капитале».

Ключевые слова: экономическое обоснование труда, философское обоснование труда, социальная форма труда, труд как субстанция-субъект истории.

Предлагаемая вниманию читателей проблема философского обоснования труда является продолжением разговора, начатого в нашей статье в предшествующем выпуске настоящего журнала⁷, которая была посвящена анализу причин кризисной ситуации, сложившейся в марксистской философии советского периода к 80-м годам XX века и проявившейся в виде противоречий трудовой теории антропосоциокультурогенеза. Как было показано в ней, наметившаяся тенденция отказа от труда как базового философского принципа объяснения общественно-исторического развития остро ставит в повестку дня вопрос о действительном содержании категории «труд» в марксизме и о необходимости философского обоснования труда как теоретического принципа.

В связи с этим нами был предпринят критический анализ сложившейся в философии советского периода системы взглядов на труд и поставлен вопрос о том, является ли вообще имеющееся на сегодняшний день обоснование труда философским или за философское обоснование долгие десятилетия неправомерно принималось нечто совсем иное, например – его политэкономическое обоснование.

Неудивительно, что в центре нашего анализа, таким образом, оказались следующие актуальные для дальнейшего развития философии вопросы:

1) чем трудовая теория стоимости Маркса принципиально отличалась от трудовой теории стоимости классиков буржуазной политической экономии? – это одна линия различий;

2) чем философское обоснование труда, развитое марксизмом в рамках материалистического понимания истории, принципиально отличается как от «экономически рассматриваемого труда» (К. Маркс), представленного точкой зрения буржуазной политической экономии, так и от разработанного самим К. Марксом экономического учения о труде? – это другая линия различий.

⁷ Рагозина Т.Э. О философском обосновании труда, или: о необходимости критического «сведения счётов» с недавним философским прошлым [1, с. 20-35].

Краткий очерк того нового, что было сделано К. Марксом в области экономической теории, содержится в *Предисловии* ко второму тому «Капитала». Как известно, оно было написано Ф. Энгельсом в Лондоне, в день рождения Маркса, 5 мая 1885 г. Теоретическое значение этого небольшого по объёму очерка огромно. Отдельные положения, разъяснения и формулировки, данные в нём Энгельсом, имеют непреходящее значение общеметодологического свойства, выходящее далеко за пределы политэкономического исследования. Тем удивительнее то, что они до сих пор оставались без должного внимания со стороны большинства марксистских исследователей.

Говоря о принципиальном отличии Марксова подхода к анализу и решению противоречий, возникших между трудовой теорией стоимости Д. Рикардо и фактами экономической действительности [2, с. 22-23], Энгельс фиксирует следующие важные моменты. Прежде всего, «в прямую противоположность всем своим предшественникам», Маркс подверг критике сами эти *факты действительности*, которые противоречили главному объяснительному принципу теории, и благодаря критическому анализу этих фактов открыл среди них такой факт, «...которому суждено было произвести переворот во всей политической экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства, – давал тому, – уточняет Энгельс, – кто сумел бы им воспользоваться» [2, с. 20]. И уже *с точки зрения этого нового факта*, руководствуясь им, Маркс, подобно Лавуазье⁸, подвергает критическому анализу также и все установленные до него базовые категории буржуазной экономии, в результате чего выяснилось следующее: «Там, где они видели *решение*, он видел только *проблему*» [2, там же].

Спрашивается, в чём же именно классики буржуазной экономической мысли видели *решение* и, соответственно, в чём именно Маркс усмотрел теоретическую *проблему*? – Да всё в той же пресловутой абстракции «*труд вообще*», которая как раз и лежала в основе рикардовской (да и смитовской тоже) теории стоимости. Именно в категории «труд вообще» экономисты-классики видели *решение* всех своих проблем потому, что труд как таковой (как целесообразная деятельность вообще), будучи понят в качестве единой основы и *меры стоимости*, позволял им свести к единому знаменателю всё многообразие мира товаров, мира потребительных стоимостей, в чём, несомненно, имелась определённая (и, прямо скажем, немалая) ценность данной научной абстракции, явившейся необходимой, закономерной ступенью в развитии буржуазной экономической теории.

Вместе с тем, они не замечали, что эта же самая научная абстракция в силу скудости своего экономического содержания (*натурализм* в понимании природы стоимости и односторонне *количественный взгляд* на неё), а также по причине весьма ограниченного её философско-мировоззренческого потенциала (ибо изначально она была выработана для теоретического выражения особенностей *индивидуальной деятельности человека как существа разумного*) преграждала путь к пониманию *общественной* природы прибавочной стоимости, коренившейся в её *социальной форме*.

⁸ Для большей ясности Энгельс поясняет публике революционный переворот, совершённый Марксом в области политической экономии, сравнивая Маркса с Лавуазье, который, руководствуясь фактом открытия нового элемента – кислорода – подверг критике все категории предшествующей ему флогистонной теории, совершив научный переворот в химии.

В конечном счёте, именно потому, что экономисты-классики (не говоря уже о вульгарных экономистах) в своих исследованиях явлений современной им экономической жизни продолжали некритически руководствоваться теми представлениями и взглядами, которые были выработаны задолго до этого предшествующими поколениями экономистов и философов и которые были заложены в содержательный каркас категории «труд вообще» (абсолютно не предназначенной для анализа *общественной формы* производства), именно поэтому, говорит Энгельс, им никак не удавалось объяснить одно из главных противоречий трудовой теории стоимости Рикардо, а именно: «... согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом» [2, с. 21]. И, как следствие, до тех пор, пока продолжало существовать это противоречие, до тех пор не получалось должным образом объяснить также и *происхождение капитала* в целом. В итоге всё это и привело к гибели школы Рикардо, породив на развалинах классической теории множество вульгарно-экономических трактовок прибавочной стоимости.

Иными словами, именно потому, что абстракция «*труд вообще*» изначально по своему действительному содержанию, заложенному в её категориальной структуре «цель – средство – результат», не была предназначена для анализа *социальной формы* производства, именно поэтому ровнёхонько ничего в этом плане для понимания механизма возникновения и функционирования *капитала как общественной формы* организации производства она не давала и дать не могла ни Рикардо, ни его ученикам и критикам. Поэтому развитие экономической науки попросту остановилось.

Поэтому-то и Маркс, в прямую противоположность классикам буржуазной экономической науки А. Смиту и Д. Рикардо, в категории «труд вообще» усмотрел не готовое *решение*, а теоретическую *проблему*, которую только ещё предстояло решить. Как же действует Маркс в этой ситуации? Для её решения он, в отличие и в прямую противоположность, но уже по отношению ко всем современным ему *вульгарным экономистам* (типа Родбертуса, Мак-Куллоха, Дж. Ст. Миля и проч., чей позитивистский / вульгарный стиль мышления сегодня взят на вооружение современной *философией науки*), не выбросил на «свалку истории науки» рикардовский закон определения стоимости трудом вместе с базовой категорией «труд вообще» и не устремился на поиск новых объяснительных принципов и «парадигм», как это сегодня рекомендовала бы сделать современная "*философия науки*" и как это сделали в XIX веке представители вульгарного крыла экономической науки.

Вместо того, чтобы выбросить за ненадобностью принцип объяснения трудом процесса происхождения прибавочной стоимости и всех остальных, связанных с ней явлений буржуазной экономики, признав этот принцип «ошибочным» и «негодным», – вместо этого Маркс *развил далее и углубил его понимание путём анализа фактов современной ему экономической действительности*, открыв среди них тот самый новый факт, который, по словам Энгельса, как раз и дал «...ключ к пониманию всего капиталистического производства...» [2, с. 20].

Вот как Энгельс, уже после смерти Маркса, а именно – спустя 18 лет после выхода в свет «Капитала», 5 мая 1885 г. (в день рождения К. Маркса), отдавая дань памяти своему другу, пытается донести до публики этот чрезвычайно важный, ключевой момент, открытию и обоснованию которого были отданы десятилетия напряжённого труда великого учёного и мыслителя: «Итак, Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, *какой труд*, почему и как образует стоимость...» [2, с. 20].

И в самом деле: *какой же труд (какое такое его свойство) и как образует стоимость в виде прибавочной стоимости?* Маркс «...исследовал превращение денег в капитал, - продолжает Энгельс пояснять этот ключевой момент, - и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы. Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, которое привело к гибели школу Рикардо...» (курсив наш – Т. Рагозина) [2, с. 21].

Кстати говоря, в данном фрагменте Энгельс почти буквально воспроизводит Марксову лаконичную характеристику причины, породившей указанное противоречие ещё в рамках физиократической системы взглядов А. Смита: «...противоречие это оставалось необъяснимым, - подытоживает в «Теориях прибавочной стоимости» (1861-1863 гг.) свой анализ Маркс, - пока капитал противопоставлялся прямо труду, а не рабочей силе» [3, с. 46-47]. Вот он, тот факт, мимо которого проходила вся буржуазная экономическая мысль и которому было суждено совершить революционный переворот во всей системе взглядов классической буржуазной экономики, – *рабочая сила* как чувственно явленное воплощение специфичной только для буржуазного общества конкретно-исторической *социальной формы* труда – *капиталистической формы* труда, производящего прибавочную стоимость (капитал).

Иными словами, противоречие оставалось необъяснимым до тех пор, пока капитал противопоставлялся просто труду, абстрактному труду («труду вообще»), а не труду, взятому в его особенной, конкретно-исторической форме – в форме *рабочей силы*, единственно только и обладающей свойством создавать такой особенный "продукт", который никогда раньше, во всей предшествующей истории человеческого общества не встречался, а именно – *прибавочную стоимость*.

Дело в том, что, капиталистическое производство в целом и *капитал* как его *общественный продукт* берут «свое начало с того момента, когда условия труда, - разъясняет Маркс, - становятся собственностью одного класса, а в распоряжении другого класса остаётся одна только рабочая сила. Это отделение труда от условий труда и образует предпосылку капиталистического производства» [3, с. 52].

Как ни странно, но этот, казалось бы, простой факт (*простой* – после того, как он открыт и объяснён) как раз и стал камнем преткновения для классической буржуазной экономической науки, о который она споткнулась и который положил начало процессу её разложения.

Именно этот же факт спустя десятилетия после сделанного Марксом открытия Энгельс вынужден был вновь разъяснять читателям в *Предисловии* ко 2-му тому «Капитала», показывая на примерах, почему реальный процесс обмена живого труда и капитала никак не согласовывался у рикардианцев с экономическим законом стоимости и почему *капитал* вообще было ошибочно пытаться согласовывать прямо с *трудом*: «Труд не имеет стоимости. Как деятельность, создающая стоимость, он так же не может иметь особой стоимости, как тяжесть не может иметь особого веса, теплота – особой температуры, электричество – особой силы тока. *Покупается и продаётся как товар не труд, а рабочая сила. Как только она становится товаром, её стоимость измеряется трудом*, воплощённым в ней как в общественном продукте; эта стоимость равна труду, общественно необходимому для её производства и воспроизводства. Следовательно, *купля и продажа рабочей силы на основе такой её стоимости отнюдь не противоречит экономическому закону стоимости*» (курсив наш – Т. Рагозина) [2, с. 23].

Разъяснение ошибочности прямого сопоставления капитала непосредственно с трудом, данное сначала Марксом, а затем Энгельсом, имеет под собой глубокую подоплёку *философско-методологического* характера. Дело в том, что *капитал* – это прежде всего *форма / способ организации* буржуазного производства (а не сами по себе потребительные стоимости в виде товаров/вещей или денег). Поэтому до тех пор, пока капитал как *общественную форму*, свойственную только конкретно-историческому способу производства (буржуазному производству) и представляющую собой его *качественную* характеристику, пытались напрямую сопоставить и приравнять к *труду вообще как количественной мере* стоимости, указанное противоречие оставалось неразрешимым.

Иначе говоря, если абстрагироваться от собственно экономического содержания, то ошибочность самой по себе мыслительной процедуры, которой следовали классики буржуазной экономической науки, состояла в том, что они сущность вполне конкретного *качества* пытались понять и объяснить, измерив его абстрактным *количеством*, приравняв и напрямую отождествив с *количеством*, что само по себе, с логической точки зрения, было не только некорректно, но и просто абсурдно, и что поэтому неизбежно порождало «экономическую тарабарщину» [2, с. 17] ⁹.

И только тогда, когда Маркс капитал как *форму*, заключающую в себе *качественную* характеристику буржуазного производства (и буржуазного общества в целом), сопоставил не с «трудом вообще» как количественной мерой стоимости, а с трудом, взятым также в его конкретно-исторической *общественной форме* ¹⁰, являвшейся к тому же действительной предпосылкой и условием возникновения самого капитала, а именно – с *рабочей силой*, обладающей свойством *создавать прибавочную стоимость*, только тогда (!) всё встало на свои места.

Как видим, Маркс не только не отбросил принцип объяснения трудом всех экономических явлений буржуазного общества, а, напротив, развил и обосновал *качественно новый взгляд на труд*, новизна которого состояла в том, что Маркс, в отличие от буржуазных экономистов (и классических, и вульгарных) поставил «во главу угла» экономической теории вовсе не «труд вообще» как целесообразную деятельность индивидов, а труд в его конкретно-исторической форме, а значит – *социально обусловленный труд* (!), т.е. труд, совершающийся в рамках вполне определённых общественных форм организации производства (в рамках определённых производственных отношений, приобретших прочный статус форм собственности), которые посредством экономического принуждения буквально-таки *диктовали и обуславливали необходимость производства прибавочного продукта*. В этом суть отличия Маркса от всех буржуазных экономистов. Причём, этот качественно новый взгляд касался труда не только как *экономической категории*, ибо он раскрывал также и один из важнейших аспектов философской трактовки субстанциальной роли труда, в частности – роли и значения *возвратного характера действия объ-*

⁹ Это выражение К. Маркса, которое тот использовал для характеристики взглядов вульгарных экономистов в «Теориях прибавочной стоимости», Энгельс охотно использует в *Предисловии* ко II-му тому «Капитала» для демонстрации тех последствий и сути теоретических противоречий, в которых запуталась буржуазная экономическая мысль (См.: [2, с. 17]).

¹⁰ В данном случае принципиально важно помнить, что и *капитал*, и *рабочая сила* как *общественные формы*, будучи результатом предшествующей, сознательно осуществляемой коллективной деятельности индивидов, представляют собой органическое единство *объективного* и *субъективного* аспектов исторического процесса.

ективных общественных отношений (социальных форм труда) на актуально совершающийся процесс общественного производства.

Это – тот пункт, который (если его спроецировать на полемику Д. Лукача и М. Лифшица¹¹) содержит убедительное объяснение того, почему всё же неправ был Лукач, причём, как в отношении Гегеля, так и в отношении Маркса, равно как и в отношении Энгельса. Как считал Д. Лукач, исторический материализм Маркса никоим образом не может и не должен быть совместим с признанием наличия в историческом процессе «разумной подкладки необходимости», поскольку-де именно с ней связаны все грехи гегелевской «ложной онтологии истории».

Но в том-то всё и дело, что рассмотренный ключевой пункт Марксова учения содержит как раз не что иное, как экономическое обоснование и подтверждение посредством экономических фактов справедливости того философского взгляда, который нашёл своё выражение в утверждении, что в общественной истории «свобода» (т.е., сознательные намерения, желания и действия индивидов, воплотившиеся в независимых от их воли общественных результатах их собственной деятельности – в виде общественных отношений, в виде наличных форм организации деятельности людей – и потому предстающие перед ними уже в виде некоей навязанной им *социальной силы*, воплощённой в системе устоявшихся *норм*, регламентирующих труд как актуально совершающийся процесс живой человеческой деятельности) таки является «разумной подкладкой необходимости», имеющей *возвратно-обуславливающий* характер действия на саму эту необходимость (как это совершенно правильно зафиксировал ещё Гегель в своей философии истории, правда, мистифицировав при этом действительный *источник* и *причину* такого положения дел).

В том-то всё и дело, что в форме признания в общественной истории людей наличия некоей *разумной подкладки необходимости* (иначе говоря – в форме *телеологии истории*) Гегель впервые «...по существу ... выдвигает идею объективной закономерности развития общества» [6, с. 194],

Вот почему исторический материализм Маркса и Энгельса, во избежание превращения в одну из разновидностей вульгарно-материалистической философии, вовсе и не должен был во что бы то ни стало, только потому, что он – *материализм*, радикально избавляться от «гегельящины», как это предполагал Лукач, в частности – от признания наличия *объективно-разумного начала*, органически включённого в сам материальный фундамент общества в качестве *всеобщих социальных форм организации труда*. Напротив, такое признание только и отличает материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса от старого созерцательного материализма.

Вот почему неправ был Лукач в своей трактовке онтологии истории Маркса, думая, что материалистическое понимание истории сводится исключительно к признанию *обуславливающей роли* труда (материального производства) как актуально совершающегося в каждый данный момент процесса живой человеческой деятельности – и только; что именно в этом, мол, и заключается вся истина и подлинная «линия Марксовой онтологии», которой-де не всегда и не вполне, как счи-

¹¹ Не имея возможности воспроизвести здесь в деталях посмертную полемику М. Лифшица с Д. Лукачем, мы можем отослать читателя к сути полемики в изложении М. Лифшица, сославшись на замечательную по концентрации гениальных идей работу Михаила Лифшица «Дух и его действительность» [4, с. 127-151], а также к нашей статье «Проблема «бездомности человека в мире» в зеркале негативной диалектики исторического развития» [5, с. 20-27].

тал Д. Лукач, соответствовал Энгельс, чьё «...признание актуального значения гегелевской диалектики, - пишет Д. Лукач, - идёт иногда гораздо дальше, чем Маркс вообще считал теоретически допустимым» [7, с. 156]. Словом, неправ был Лукач потому, что не учитывал реальную диалектику процесса труда, то есть, не принимал в расчёт то обстоятельство, что этот живой процесс труда (обуславливающий развитие общества) всегда сам также *социально обусловлен* действием наличных социальных норм, которые выступают как *разумные формы* его организации.

Возвращаясь снова к Марксу, мы можем констатировать как минимум две принципиальные вещи, так до конца и не понятые не только Д. Лукачем, но и большинством марксистов.

Первое: точке зрения классической буржуазной экономики, равно как и точке зрения философии Просвещения, одинаково основывавшимся на простом понимании «труда вообще» как целесообразной деятельности, Маркс впервые в истории науки противопоставляет понятие *труда как социально обусловленной деятельности (!)*.

Быть социально обусловленным применительно к труду как процессу материального производства, осуществляющемуся в буржуазном обществе, значит – самой своей структурой и внутренней организацией быть вынужденным воспроизводить такую *форму социальной связи индивидов*, которая покоится на вполне определённой *экономической зависимости* одних участников процесса труда от других участников, состоящей в *отделении процесса труда от условий труда* в силу того, что «...условия труда становятся собственностью одного класса, а в распоряжении другого класса остаётся одна только рабочая сила». [3, с. 52]

Это-то «отделение труда от условий труда» как раз и есть не что иное, как та исторически установившаяся в буржуазном обществе и характерная только для него *"чувственно-сверхчувственная форма" социальной связи и зависимости индивидов друг от друга*, которая обуславливает процесс капиталистического производства не только в качестве *предпосылки* его становления, но и в качестве постоянно воспроизводящейся в дальнейшем его движении *всеобщей формы* его существования, порождающей на каждом новом витке развития многообразие других устойчиво функционирующих общественных форм его организации (как базисных, так и надстроечных), производных от этой исходной для капитализма формы всеобщности.

Второе: именно их – эти *общественные формы* (а вовсе не *производительные силы* сами по себе и, тем более, не натурально-вещественную компоненту капитала в виде произведённых потребительных стоимостей, равно как и не количественные пропорции, в которых осуществляется распределение прибыли) – Маркс делает единственным *предметом* экономической науки, непосредственным и главным *предметом* политэкономического анализа, последовательно прослеживая, как из одной, исходной и простейшей зародышевой формы капиталистических отношений (*рабочей силы, ставшей товаром*) с непреложной необходимостью возникают другие, выросшие на её основе специфические формы капиталистического производства¹² – прибавочная стоимость, промышленный капитал, прибыль, земельная рента, ссудный процент и проч., раскрывая таким образом весь разветвлённый и

¹² Поэтому-то у него, по характеристике В. И. Ленина, вся капиталистическая формация встаёт перед глазами, как живая.

скрытый от обыденного сознания *механизм эксплуатации* – механизм присвоения результатов чужого неоплаченного труда.

Кстати, именно поэтому «Капитал» К. Маркса стал единственной теорией прибавочной стоимости, которая, в отличие от учений всех его социалистических предшественников, писавших на экономические темы, во всех цивилизованных странах произвела, по словам Энгельса, эффект «удара грома с ясного неба» [2, с. 19].

Пожалуй, только теперь, после того, как было выяснено, в чём заключается суть *экономической трактовки труда*, разработанной К. Марксом, и чем она принципиально отличается от «*экономически рассматриваемого труда*», представленного точкой зрения буржуазной политической экономии, можно попытаться дать ответ также и на поставленный выше вопрос о том, в чём же должно заключаться собственно *философское обоснование труда* в отличие от его *экономического обоснования*, представленного Марксом в «Капитале», и что в таком случае *философское обоснование* может и должно взять себе на вооружение в качестве общеметодологических уроков и выводов, непосредственно вытекающих из принятого Марксом *экономического обоснования* труда.

Как было показано выше, политэкономическая точка зрения Маркса на труд, противопоставленная абстрактно-одностороннему пониманию труда классиками буржуазной экономии, впервые в истории науки исходила не из «труда вообще как целесообразной деятельности», а из понятия труда как *социально обусловленной деятельности*, то есть – такой деятельности, которая обусловлена *конкретно-исторической общественной формой* её организации и которая только поэтому (и только в единстве с этой конкретной общественной формой) и может быть *субстанцией* всех без исключения явлений буржуазного общества.

При всём своём громадном научном значении такое понятие труда, развёрнутое в теорию и получившее всестороннее обоснование в ходе экономического исследования, ещё *не является* философским понятием, причём по тем же самым причинам, которые составляют все его неоспоримые плюсы и достоинства как понятия частной, конкретной – экономической науки. Ибо обосновать ту или иную конкретно-историческую форму труда в качестве субстанции (основы и фундамента) конкретно-исторического типа общества – ещё не означает, что мы тем самым получаем обоснование труда в качестве *субстанции (основы)* всякого, любого типа общества и, тем более, не может означать, что мы располагаем обоснованием труда в качестве *субъекта* общественно-исторического развития в целом.

Поскольку же философия – это наука о *всеобщем* (а эту истину всей классической философии, обоснованную Гегелем в «Науке логики», и Маркс, и Энгельс разделяли целиком и полностью), постольку философское обоснование труда в качестве субстанции-субъекта общественно-исторического развития не может сводиться к открытию и обоснованию законов функционирования и развития какого-либо одного конкретного типа общества. Философское понятие труда должно дать обоснование его как *всеобщего закона существования человеческого общества*, действующего на всех этапах его исторического существования и в качестве основы (субстанции), и в качестве источника (субъекта) общественного развития.

Вот как замечательно просто и точно выразил Энгельс суть принципиального отличия между марксистской политической экономией и материалистическим пониманием истории как созданной Марксом наукой об общих законах развития че-

ловеческого общества: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон *развития человеческой истории* <...> Но это не всё. Маркс открыл также *особый закон движения* современного капиталистического способа производства и *порождённого им буржуазного общества*» (курсив наш – Т. Рагозина) [8, с. 350-351].

При этом, правда, важно отдавать себе отчёт в том, что сам по себе *факт открытия* «труда как закона развития человеческой истории» не только не отменяет, а, напротив, предполагает необходимость его развёрнутого обоснования. Поэтому, резюмируя сказанное, можно констатировать следующее: философское обоснование труда как *всеобщего закона возникновения, становления и развития человеческого общества*, действующего на всех этапах его исторического существования и в качестве основы (субстанции), и в качестве источника развития (субъекта), порождающего *специфически человеческий способ жизнедеятельности как таковой*, именно в силу этого не может быть редуцировано только и исключительно к капиталистическому способу производства – к капиталистическому способу жизнедеятельности как одной из своих частных, превращённых форм, а необходимым образом оборачивается проблемой *начала* человеческой истории, то есть – проблемой поиска *исходной, зародышевой формы* её существования, которая в силу этого является также и её подлинно *всеобщей формой*.

В прямой связи с такой постановкой задачи особую актуальность приобретает ответ на второй вопрос, касающийся того, что же именно философское обоснование труда как *начала* человеческой истории может и должно взять себе на вооружение из Марксова экономического учения в качестве методологических выводов, которые могли бы служить надёжным ориентиром для отыскания исторически первичной, зародышевой формы человеческой социальности при решении проблемы *начала* истории.

В данном случае, как и в любом другом, когда имеют дело с саморазвивающейся органической целостностью, действует известная диалектическая закономерность, гласящая: чтобы понять саморазвивающееся целое в его *начале* (на этапе его возникновения и становления), необходимо ясно понимать, *что* оно представляет собой в качестве уже развившегося целого, достигшего зрелой ступени своего существования, когда оно, всё по тому же известному правилу диалектики (а именно: «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны»), выступая в своём *классически чистом виде* и демонстрируя свою подлинно *всеобщую форму*, освобождённую от всех исторически случайных, частных и особенных черт и наслоений, способно тем самым давать исследователю прямое указание / подсказку относительно того, *что* именно образует форму всеобщности (зародышевую форму) среди множества исторически сосуществующих друг с другом факторов также и в самом что ни на есть *начале* процесса становления целого.

Иными словами, именно потому, что «...намёки более высокого», имеющие место на низших стадиях развития, «...могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно», поэтому абсолютно необходимо выяснить, какую же *истину (всеобщую сущность)* общественно-исторического развития открывает нам осуществлённый Марксом анализ зрелой стадии развития труда, достигшего ступени существования буржуазного общества и, соответственно, *какой ключ* даёт нам знание этой истины для отыскания и понимания «намёков более высокого», содержащихся в *начале* человеческой истории?

Самое главное, что подлежит констатации в этом отношении, сводится к осознанию следующего.

Первое: только *социально обусловленный* труд может быть действительной основой (субстанцией-субъектом) исторического развития человека, общества и культуры, *обуславливающей* как само это *развитие*, так и *формы*, в которых оно осуществляется. Или, иначе: как ни парадоксально, но обуславливать развитие общества может только то, что само социально обусловлено (!), то есть, содержит в себе *свойство социальной обусловленности как свой неотъемлемый атрибут* – как внутреннюю организацию своего собственного существования и развития.

И вот здесь-то на первый план как раз и выступает необходимость чёткого понимания того принципиального различия, которое существует между собственно философским обоснованием труда и его экономическим обоснованием, представленным Марксом в «Капитале».

Если в рамках Марксова экономического обоснования свойство «*быть социально обусловленным*» применительно к труду как процессу материального производства, осуществляющемуся в *буржуазном обществе*, значит – самой своей внутренней организацией быть вынужденным воспроизводить такую *объективную форму социальной связи индивидов*, которая, будучи частично *результатом сознательных намерений и целенаправленных действий одной части людей в отношении другой части людей* (например, намеренное обезземеливание крестьянства), покоится на *экономической зависимости* одних участников процесса труда от других участников, возникшей как *объективный итог отделения процесса труда от условий труда*, то применительно к труду как началу человеческой истории свойство «*быть социально обусловленным*» означает быть процессом производства, покоящимся на (*а*) *объективно-целесообразной форме связи и зависимости индивидов друг от друга*, возникшей (*б*) *естественно-историческим путём* и (*в*) *основывающейся на органическом единстве процесса труда и условий труда*.

Второе, что с необходимостью следует из первого, предполагает признание того, что в качестве такого «начала» человеческой истории общества и культуры в принципе не может выступать *труд вообще* как целесообразная сознательная деятельность, представленная категориальной схемой «цель – средство – результат», или, что то же самое, – труд в форме производства орудий труда, в форме *орудийной деятельности*, как это предполагалось до сих пор в многочисленных исследованиях, посвящённых проблеме обоснования труда как «начала» истории.

Третье: действительным *началом* человеческой истории, основой и источником развития общества и культуры (включая становление человека с его сознанием) может быть только такая конкретно-историческая форма труда, которая представляет собой деятельность, непосредственно заключающую в себе в качестве своей внутренней структуры *объективную форму связи и зависимости индивидов друг от друга*, которую она первоначально застаёт в готовом виде как свою необходимую историческую *предпосылку*, но которую она в ходе своего осуществления ломает и перестраивает сообразно своим собственным нуждам, в каждый данный момент полагая её одновременно и как свой собственный *результат*.

Иными словами, речь идёт о такой исторически первой форме труда, которая представляет собой конкретное единство *социально обуславливающей функции* труда и его *социально обусловленной формы* и которая именно в силу этого только и может выступать исходным основанием саморазвивающейся органической системы – *общества*.

Соответственно, философское обоснование труда как субстанции-субъекта истории должно исходить из такого понятия труда, которое своим содержанием способно было бы выражать этот исходный, противоречивый в самой своей сущности *двойственный характер труда*, воспроизводя указанное единство противоположных и взаимоисключающих свойств труда, а именно – свойство труда быть *функцией (деятельностью), производящей социальную форму связи* (и в этом смысле – *обуславливающей* возникновение и историческое развитие общества), и свойство труда быть *социально обусловленной формой связи* индивидов, совпадающей с *формой внутренней организации* труда.

Только в этом, одном-единственном случае, – когда труд рассматривается не со стороны своей *натуральной, чувственно-вещественной формы* (не как производство вещей и предметов, включая орудия труда), а берётся исключительно со стороны своей сложившейся *естественно-историческим путём социальной формы* (как деятельность по производству самой этой формы общественной связи индивидов), – только в этом случае предметом философского анализа становится подлинно *всеобщая форма* труда, а значит, только в этом одном-единственном случае труд получает философское обоснование в качестве *закона существования человеческого общества*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рагозина Т.Э. О философском обосновании труда, или: о необходимости критического «сведения счётов» с недавним философским прошлым / Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2019. – Выпуск № 2 (10). – С. 20-35.
2. Энгельс Ф. Предисловие ко II-му тому «Капитала» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 24. – С. 3-24 с.
3. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. В 3-х ч. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 26. Ч. I. – 476 с.
4. Лифшиц Мих. Дух и его действительность. 1974 г. / М. Лифшиц. О Гегеле. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2012. – С. 127-151.
5. Рагозина Т. Э. Проблема «бездомности человека в мире» в зеркале негативной диалектики исторического развития / Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – ГОУ ВПО «ДонНТУ». – Донецк, 2018. – Выпуск № 2 (8). – С. 20-27.
6. Макаров М. Телеология / М. Макаров // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР ; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т. 5 : Сигнальные системы – Яшты. – С. 194-195.
7. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены: Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского и М. А. Хевеши. – М.: Прогресс, 1991. – 412 с.
8. Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 19. – С. 350-352.

Т. Э. Рагозина

(Doctor of Philosophy, Associate Professor)

SEI HPE «Donetsk National Technical University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

ON THE PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION OF LABOR AS A PROCESS, PRODUCING SOCIETY

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the specificity and essence of the philosophical justification of labor, an integral part of which is the analysis of the fundamental differences between the labor theory, represented by the point of view of bourgeois political economy, and the economic interpretation of labor developed by K. Marx. As a result, this allows one to find an answer to the main question of what should be the philosophical substantiation of labor itself, in contrast to its economic justification presented by Marx in Capital.*

Key words: *economic justification of labor, philosophical justification of labor, social form of labor, labor as a sub-station-subject of history.*

Поступила в редакцию 17 апреля 2020 г.